

О РУСКОМЪ СЛОВАРѢ.

Р Е Ч Ъ ,

Ч И Т А Н Н А Я

ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ ЧАСТНОМЪ ЕГО ЗАСѢДАНІИ 25 ФЕВРАЛЯ И ВЪ
ПУБЛИЧНОМЪ 6 МАРТА, 1860 г.

Господа, въ послѣднее засѣданіе вы потребовали отъ меня, по живому сочувствію къ дѣлу, отчета въ трудѣ моемъ, въ словарь, надъ которымъ я вѣкъ свой работаю. Исполняю ваше желаніе.

Словарю дано названіе *Словаря живаго Великорускаго языка*: въ него должна бы войти вся живая речь нынѣшняго Великорускаго поколѣнія; Малая и Бѣлая Русь исключены: это особыя наречія. Нѣкоторыя слова изъ нихъ, перейдя на дѣлѣ въ смежныя Великорускія области, вошли и въ словарь.

Вовсе устарѣлыя реченія исключены, если только особыя уваженія не заставили объ нихъ упомянуть; но много старинныхъ словъ и понынѣ живутъ въ народѣ, а потому приняты и въ словарь.

Церковный языкъ нашъ исключенъ; но приняты всѣ выраженія его, вошедшія въ составъ живаго языка, такъ же обиходныя названія предметовъ вѣры и церкви. И Славянскихъ словъ встрѣчаемъ мы нѣсколько въ речи народной.

При тщательномъ сборѣ народныхъ реченій, не вносились также въ словарь умничаньемъ искаженныя, и, столь удачно названныя *галантерейными*, выраженія полукупчиковъ, разночинцевъ и лакеевъ.

Главное вниманіе обращалось на языкъ простонародный. Въ языкѣ нашемъ нѣтъ такихъ говоровъ, каковы областныя наречія западной Европы, гдѣ искаженное на особый ладъ произношеніе, взапуски съ мѣстными, нигдѣ болѣе не слыханными выраженіями, вовсе затемняютъ коренной языкъ. Речь наша всюду одинакова; уклоненія отъ нея такъ ничтожны, что

многими и не замѣчаются. Главная отлика, это *высокій* и *низкій* говоръ, склонность къ согласной *а* или *о*: первая свойственна югу и западу, отъ Москвы; вторая — сѣверу и востоку. Строй и складъ речи, грамматика, одинакова всюду; и потому, скажу ли я: «съ Масквы, съ пасада, авашнова ряда», какъ окальщкы дразнятъ подмосковцевъ, или: «болого въ Володимерѣ, стоканъ испить — голова болить», какъ Рязанцы приговариваютъ соперникамъ своимъ въ плотничествѣ, или даже: «ёнъ ходить, гуляить, батьку паминаить», какъ дразнятъ самихъ Рязанцевъ и Курянь, — мы и то, и другое, и третіе понимаемъ одинаково, и безъ запинки перекладываемъ на свою, среднюю, по произношенію гласныхъ, речь, не переводя словъ, а только смягчая въ говорѣ рѣзкія крайности. Но въ Малорускомъ: «Нехай и чертъ, абы не Москаль», и въ Бѣлорускомъ «Яна мѣсиць, усцяну лѣпиць,» слышится уже нѣчто вовсе чужое. Въ Малоросіи и грамматика своя, отчасти Славянская; въ Бѣлорусіи также

она уклоняется отъ нашей и отчасти сближается съ Польскою.

Вотъ почему народныя слова наши прямо могутъ переноситься въ письменный языкъ, никогда не оскорбляя его грубою противу самаго себя ошибкою, а напротивъ, всегда направляя его въ природную колею его, изъ которой онъ у насъ выскочилъ, какъ паровозъ съ рельсовъ; они оскорбятъ развѣ только изрусѣвшее ухо чопорнаго слушателя. Что дѣлать, надо вынести на себѣ негодование его; миновать нельзя. Языкъ нашъ, для потребностей образованнаго круга, еще не сложился; ниоткуда взять тѣхъ *салонныхъ* — нынѣ уже не говорятъ *гостинныхъ* — выражений, которыхъ отъ насъ требуютъ: есть только, обрусѣвшій по виду, между пишущею братіею, Латино—Французо—Нѣмецко—Англійскій языкъ, да свой природный, топорный, напоминающій ломовую работу, квась и ржануху. Надо прислушаться къ нему, избиходить и обусловить его, не ломая, не искажая, тогда онъ будетъ хорошъ.

Мы до того шатко знаемъ языкъ свой, что, вздумавъ порусить, пишемъ — какъ читаль я еще на дняхъ — *позорище* вмѣсто *поприще* и *обыденный* вмѣсто *обиходный*. Такихъ примеровъ отыщутся сотни.

Мы жалуемся, что слова наши долги и жестки; частію, можетъ быть; но тѣмъ путемъ, какъ мы нынѣ идемъ, мы этого не поправимъ. Съ другой стороны, ужъ не сваливаемъ ли мы съ больной головы на здоровую? Гдѣ эти семипяденныя слова, съ толкотнею четырехъ согласныхъ сподрядъ, въ народѣ? Народъ не говоритъ: *предохранительная* оспа, а говоритъ: *охранная*; не говоритъ: *драгоценные* каменя, а *дорогіе*; не говоритъ: *по воспрепятствовавшимъ обстоятельствамъ*, а говоритъ: *сталась помха, помъха*. Ужъ не сами ли мы сочиняемъ, хоть бы напримѣръ слова, какъ *собственность*, вытѣснивъ имъ слово *собъ*, и *собственный*, замѣнивъ имъ *свой*; не сами ли мы ломаемъ надъ собственнымъ сочиненіемъ этимъ собственный свой языкъ и кадыкъ? Въ *собственномъ* домѣ — да почему же не въ

своемъ? Или разносный съ почты не найдетъ меня въ своемъ домѣ?

Въ Академическомъ Словарѣ до 115/т. слов; на какомъ языкѣ вы найдете ихъ столько же! Откиньте 15/т., по разнымъ причинамъ лишнихъ или неумѣстныхъ, да прикиньте нѣсколько десятковъ тысячъ — не могу сказать сколько — нынѣ собранныхъ, — не говорю о десяткахъ же тысячъ, ни къмъ еще неподслуханныхъ, — ужели вамъ этого запаса мало? Если не достаетъ отвлеченныхъ и научныхъ выраженій, то это не вина народнаго языка, а вина дѣлателей его: такихъ выраженій нигдѣ въ народѣ не бывало, а они всегда и всюду образовались, по мѣрѣ надобности, изъ насущныхъ; потрудитесь, поневольтесь, прибирайте, переносите значеніе словъ изъ прямаго понятія въ отвлеченное, и вы на бѣдность запасовъ не пожалуетесь. Притомъ, повторяю, мы говоримъ на обумъ, и сами не знаемъ, что у насъ есть, а чего нѣтъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ.

Я не думаю изгонять словъ: *антиподъ*, *горизонтъ*, *атмосфера*, *эклиптика* и имъ подобныхъ, хотя они и довольно чужды нашему говору; но не утверждайте, чтобы ихъ не было на Рускомъ языкѣ. *Горизонтъ* — *кругозоръ* и *небосклонъ* бредутъ, но они сочинены письменнымъ, и потому въ нихъ слышится натяжка. *Небоскатъ* и *небоземъ* по лучше, но и это слова составныя, на Греческій ладъ. Рускій человекъ этого не любитъ, и неправда, чтобы языкъ нашъ былъ сроденъ къ такимъ сваркамъ: онъ выносить много, хотя и кряхтитъ; но это ему противно. Рускій беретъ одно, главное понятіе, и изъ него выливаетъ цѣликомъ слово, короткое и ясное. Обратимся же туда, гдѣ Рускаго человека передъ глазами просторъ, море, а не одна только потная полоса пашни — какого вы тутъ захотѣли горизонта? На Каспійскомъ море говорятъ: *завѣсь* и *закрой*, а на Бѣломъ: *озоръ* и *овидь*. Воля ваша, а я не пойму, чѣмъ *завѣсь*, *закрой*, *озоръ* и *овидь* хуже горизонта. На маломъ морѣ, гдѣ то и дѣло берега въ виду и снова

закрываются (завѣшиваются черни) сложились слова: *завѣсь*, *закрой*; на большомъ, безбрежномъ, — слова: *озоръ* и *овидъ*. Письменному нужно было по Европейски, спутать два слова, чтобы составить *круг озоръ*; неграмотный сдѣлалъ то же, изъ одного: *овидъ*, *озоръ*, тотъ же кругозоръ.

Резонанса, говорятъ, передать нельзя и слово это даже должно произноситься съ пригнускою, тогда оно становится болѣе понятнымъ. Но народъ у котораго не было Французскаго гувернера, говорит: *наг олосокъ*, и понимает другъ друга хорошо. *Наг олосокъ* скрипки, рояли; *наг олосокъ* залы, палаты — чѣмъ не резонансъ? *Адресовать* къ кому, по Руски: *насылать*; *адресъ* — *насылъ* или *насылка*: пиши по *наслу* или по *насылкѣ* такой—то.

Если бы у насъ не было слова *кокетничать*, *кокетка*, то я бы по нимъ не тужилъ, какъ не тужу я о томъ, что у насъ нѣтъ *аману* и *пардону*; но первое есть, и въ избыткѣ. Выбирайте любое слово, смотря по отбѣнкамъ, изъ десятка: *заускивать*,

*угодничать, любезничать, прельщать, —
умильничать, жеманничать, милвзорить,
милвидничать, — рисоваться,
красоваться, хорошиться, казотиться,
ничѣжить; сверхъ всего этого говорятъ:
нравить кого — желать нравиться. Кокетку
зовуть: прелестницею, жеманницею,
милвидницею, милвидкою, красовиткою,
хорошѣхою и казоткою. Возмемъ и
отвлеченное понятіе: индивидуальность —
самость; эгоизмъ — самотность,
самотство, самовщина.*

Хотите или нѣтъ *атмосферу* называть *міроколицею* и *колозимицею* — это ваша воля; но *инстинктъ*, по не Рускому звуку и по стеченію трехъ, непроизносимыхъ вкупѣ Рускою гортанью, согласныхъ, должно бы замѣниться *побудкомъ*, какъ говорятъ на сѣверѣ, или *побудкою*, по восточному говору. *Инстинктъ* можно выговорить только западнымъ произношеніемъ буквъ н, к, т, то есть, кончикомъ языка, а наше, полное, гортанное произношеніе такого слова не принимаетъ. Чѣмъ *свѣчникъ* хуже *канделабра*; чѣмъ *истинникъ* не капиталъ,

противень не *антиподъ*, *сластаѣжка*, *сластникъ*, *сластена*, *солощавый* — не *гурманъ*? Почему *портъира* не *полсть*, *полстина*, *запонъ*, *завѣсъ*, или *завѣсъ*, или не *дверницы*? Чѣмъ *этажъ* лучше *яруса*, *жалля*, *связи*? Для чего мы переводимъ *карликовая береза*, что называется *сланкою*, *сланцемъ*, *ирникомъ*? Почему *фіолетовый* лучше *синеалаго*, а *ранжевый* — *жаркова*? Чѣмъ *диагоналъ* лучше *долони*? *Долонъ* — это прямая, связующая два угла *накосъ*. Почему *эклиптика* не *солнопутье*? Для чего *эхо*, не склоняемое и потому намъ *несродное*, *вытѣснило* не только *откликъ* и *от олосокъ*, но даже *отгулъ* и *голкъ*? *Шумъ* или *гулъ* это *голка*, а *откликъ* *голки* — *голкъ*. Для чего всѣ ученые *лѣсничіе* наши пишутъ *штамбъ*, а инженеры *дамба*, искажая *Нѣмецкія* слова, а стыдятся писать: *плотина*, *гребля*, *заимъ*, изгнавъ также *необходимыя* родныя слова: *лѣсина* и *голомя* или *голомень*? *Голомень* именно *Нѣмецкое* *штамъ*, *цѣльный пень*, *лѣсина* *дерева*, на сколько его идетъ, за

очисткою, въ бревно. Для чего ученые наши говорятъ: *ложныя солнца*, когда это *пасолнца*, которыя бываютъ, смотря по виду: *столбы*, *коромысла*, *уши* и проч. Для чего врачи сочинили чистоговорку: *грудобрюшная преграда* (куриль Турка трубку, клевала курка крупку), когда ее зовутъ *гусаковою*, либо *утробною перепонкою*, или *гусачихой*, *гусачиною*, отъ гусака, ливера, лежащаго на ней и подъ нею?

Сурьезный нельзя перевести. Однимъ словомъ, отвѣчающимъ всѣмъ значеніямъ, нельзя, какъ нельзя прибрать, для перевода рScheur, Русскаго слова, которое бы означало и рыбака, и грѣшника. Но развѣ это недостатокъ языка? Напротивъ, тамъ скудость заставляетъ придавать одному слову десять значеній. Укажите мнѣ примѣръ, гдѣ бы вмѣсто *сурьезный*, нельзя было сказать: *чинный*, *степенный*, *дѣльный*, *дѣловой*, *внимательный*, *озабоченный*, *занятой*, — *думный*, *думчивый*, *важный*, *величавый*, *строгий*, *настойчивый*, *рѣшительный*, — *рѣзкій*,

сухой, суровый, — пасмурный, сумрачный, угрюмый, насупистый, — нешуточный, нешутя, по дѣлу, взабьль, и проч. и проч. Можно бы насчитать еще съ десятокъ словъ; если же вы найдете, что всѣ они не годятся, то я воленъ буду думать, что вы связаны съ не Русскими словами одною только силою привычки и потому неохотно съ ними разстаетесь. А на привычку есть отвычка, на обыкъ — перевыкъ. Наконецъ, скажу вамъ еще тайну: думайте, мыслите по Русски, когда пишете, и вы не полѣзете во Французскій словарь: достанетъ и своего.

Испещреніе речи иноземными словами (не говорю о складѣ, оборотахъ речи, хотя это не менѣе важно: теперь мы бесѣдуемъ о *словарѣ*) вошло у насъ въ поголовный обычай, а многіе даже щеголяютъ этимъ, почитая Руское слово, до времени, какимъ-то неизбѣжнымъ худомъ, какимъ-то затоптаннымъ половикомъ, рогожей, которую надо усыпать цвѣтами иной почвы, чтобы порядочному человѣку можно было по ней пройтись.

Не стану поминать о *субъективности* и *объективности*, —но вѣдь дошло до того, что у насъ печатають *газонъ* и *кадаверъ*; а *мурава*, *дернъ*, *злачникъ* и *покойникъ*, *мертвое тѣло*, *мертвецъ*, *трупъ*, и проч. видно ужъ не годятся. Такимъ образомъ, всему непишущему, а только читающему, населенію Россіи скоро придется покинуть свой родной языкъ вовсе и выучиться, замѣсть—того, пяти другимъ языкамъ: читая доморощенное, надо мысленно перекладывать всѣ слова на западныя буквы, чтобы только добратся до смысла. Вѣдь это цыферное письмо!

Но и этого мало; мы, наконецъ, такъ чистоплотны, что хотимъ изгнать изъ словъ этихъ всякій Рускій звукъ и сохранить ихъ всецѣло въ томъ видѣ, въ какомъ они произносятся не Рускою гортанью. Такое чванство невыносимо; такого насилія не попуститъ надъ собою ни одинъ языкъ, ни одинъ народъ, кромѣ — кромѣ народа, состоящаго подъ умственнымъ или нравственнымъ гнетомъ своихъ же

немногихъ земляковъ, переродившихся заново на чужой почвѣ.

Если одинъ онѣмечился, изучая замѣчательныхъ писателей, какихъ онъ у себя дома не найдетъ; если другой, по той же причинѣ офранцузился, третій обангличился, и такъ далѣе, то могутъ ли всѣ они требовать, поучая, наставляя и потѣшая насъ, чтобы каждый изъ насъ, вычитывая, что въ нихъ переварилось и выварилось, понималъ всѣ тѣ языки, какіе они изучили сами, и чтобы мы перекладывали, мысленно, бесѣду ихъ на пять языковъ? Коли такъ, то не лучше ли ужъ намъ взяться прямо за подлинникъ, который, по общему закону, не долженъ же быть ниже подражанія!

Если чужое слово принимается въ другой языкъ, то, по крайней мѣрѣ, позвольте переименовать его на столько, сколько этого требуетъ духъ того языка: онъ господинъ слову, а не слово ему. И развѣ чистяки наши не видятъ, что они, при всей натугѣ своей, все-таки картавятъ, и что природный Французъ и Англичанинъ

выщербленаго у него слова, въ Руской печати, никакъ не узнаеть!

Вѣдь и Римляне всегда приурочивали и Латынили усвоенное ими чужое слово, безъ чего не могли ни выговорить, ни написать его; то же дѣлають и понынѣ всѣ прочіе народы. Что же это мы, охотно обезьянничая и попугайничая, въ этомъ случаѣ, хотимъ самодурью установить для себя противное правило? Этому двѣ причины; первая — тщеславіе, чванство: мы знаемъ всѣ языки; другая — невѣжество: мы не знаемъ своего.

Для чего, на примѣръ, сдваивать согласныя: *аллопатія, баллотировать, ассессоръ, аббатъ, аппаратъ*, даже *грамматика, аттестатъ* и проч., когда это противно нашему языку и, при хорошемъ произношеніи, не можетъ быть слышно? Если вы хотите показать, что знаете правописаніе на тѣхъ языкахъ, съ которыхъ слова эти взяты, то пишите же, какъ иные и въ самой вещи писывали: *Тээръ* (Theer) и *маасштабъ*; но тогда уважьте же и Татарина, и пишите не

лошадь, а *алаша*, не *армякъ*, а *эрмекъ*; да и не говорите болѣе: *чай*, — съѣздите напередъ на Кяхту и прислушайтесь, какъ Китаецъ произноситъ слово это? Да такъ, что оно въ Русскомъ ухѣ звучитъ *чай*, а въ Голандскомъ *тэ*, а въ Англійскомъ *ти* и т. д.

Но составитель словаря не укащикъ языку, а служитель, рабъ его; здѣсь можно сказать о всякомъ писателѣ: напишешь перомъ, не вырубешь топоромъ. Сколько можно было собрать этихъ чужихъ реченій мимоходомъ, посвящая весь досугъ свой сбору и обработкѣ Русскихъ словъ, столько внесено въ словарь, и съ умыслу не упущено ни одно. Одна часть словъ этихъ болѣе или менѣе приурочилась у насъ, и собиратель не въ правѣ выселять ихъ по своему произволу; дѣло писателей — покидать ихъ и дать имъ выйти изъ обыка; другая часть, все еще намъ чуждая, включена для того, чтобы противопоставить Рускія, соотвѣтствующія выраженія. При этомъ, изрѣдка и по необходимости, *только* при переводѣ чужихъ словъ,

случалось мнѣ и самому прилаживать и примѣнять Рускія слова, — не знаю, на сколько удачно, а думаю, что не въ противность языку, а въ духѣ его. Но въ послѣднее время стали за-просто переносить въ языкъ нашъ всѣ слова западной Европы, перепечатывая ихъ, безъ обиняковъ, Рускими буквами; а за этимъ не угоняешься: собрать все это не достанетъ у меня ни силъ, ни времени.

Мнѣ случалось слышать отъ людей, впрочемъ умныхъ и уважительныхъ, что все это пустяки, недостойныя придирки; что языкъ вырабатывается въ господствующемъ духѣ, по степени просвѣщенія и образованія народа, а частныя усилія тутъ ничего не могутъ сдѣлать; что, впрочемъ, и все равно, какими словами ни объясняться — слова, по себѣ, условное сочетаніе звуковъ, одинъ вещественный припасъ — лишь бы въ томъ, что пишешь, былъ умъ, сердце, душа и жизнь. На первое возраженіе отвѣчу, что нельзя, однако, не пожалеть о такомъ направленіи, если даже оно и господствуетъ; на второе, что это

убѣжденіе ошибочное и вредное: оно растлѣваетъ умъ и сердце. Коль скоро мы начинаемъ ловить себя врасплохъ на томъ, что мыслимъ не на своемъ, а на чужомъ языкѣ — мы уже заплатились за это дорого; коль скоро мы не пишемъ, а переводимъ, мы конечно никакого подлинника произвести не въ силахъ и начинаемъ, духовно, пошлѣть. Отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому, мы и остаемся межеумками. Съ языкомъ шутить нельзя: словесная речъ человѣка есть видимая, осязательная связь, звено между душою и тѣломъ, духомъ и плотью. Вѣроятно, въ малоумномъ и юродивомъ та же душа: ума много, да вонъ не идетъ; отчего? Оттого, что вещественные снаряды ему служатъ превратно: духъ пригнетень, подъ спудомъ, и, безъ орудій и средствъ этихъ, ничего не въ силахъ сдѣлать.

Всѣ словари наши преисполнены самыхъ грубыхъ ошибокъ, нерѣдко основанныхъ на недомолвкахъ, опискахъ, опечаткахъ, — и въ этомъ видѣ они плодятся и множатся. Если какой-нибудь почтенный Нѣмецъ,

ученый путникъ, напишетъ: *ардижъ* (артышь), *тополь*, *осокоръ*, *пыщалка*, *сорокопрытка*, *пригридъ* (прикрыть, трава), то все это пошло на всѣ четыре стороны, и наши ученые начинаютъ писать также. Если даже кто, опечаткою, скажетъ *Лиръ*, *лапушникъ*, вмѣсто *Аиръ* и *лапушникъ*, то и это вносится нашими травовѣдами въ словари и преподается съ каѳедры.

Въ областной словарь академіи вошло все, безъ разбору, что только присылали, по *должности*, уѣздные учителя, и съ тѣми же безобразными объясненіями. Слова офенскія, то есть *дъланыя*, какъ *корюка* — дѣвка, *кьяръ* — пиво и проч., десятками вставлены на ряду съ Рускими; объясненія вообще криво понятыя, или одностороннія, иногда переносныя, а прямаго нѣтъ: одно и то же слово повторено подъ буквами *а* и *о*, по высокому и низкому говору; даже въ новомъ прибавленіи къ этому словарю находимъ: *абалманъ*, *абальръ*, *абанукаться*, *абаналь*, *аблѣуска* и множество подобныхъ, тогда какъ всѣ

слова эти составлены съ предлогомъ *объ*, который, на письмѣ, по крайности, никакъ не можетъ обратиться въ *абъ*, если только не хотѣтъ вовсе утратить всякій толкъ и смыслъ въ словахъ. — Посему я въ словарь своемъ, не занимаясь *корнями* словъ, старался, однако же, указывать вездѣ на взаимную связь ихъ; а гдѣ это, по искаженію или по другимъ причинамъ, сомнительно, тамъ я ставилъ вопросительный знакъ.

И не четкое письмо собирателей вводило въ соблазнъ издателей, которые не подчиняли запасовъ этихъ никакому разсудительному разбору и оцѣнкѣ. Такимъ образомъ, появилось въ словарь множество словъ вовсе небывалыхъ, хотя они и напечатаны крупнымъ, заглавнымъ наборомъ и стоятъ по азбукѣ въ порядкѣ, на своемъ мѣстѣ, почему *объ* опечаткѣ не можетъ быть и речи; на примѣръ:

Ирпиль, вм. иргиль — барань.

Калчань, вм. калгань — чашка.

Колычань, вм. колыгань — то же.

Наговка, вм. начивка — ночвы.

Каможка, вм. калюжка — лужа.

Копани и капани, въ двухъ мѣстахъ, вм. катанки — валенки.

Каспорка, вм. распорка.

Кеть, вм. кежъ, кежина — пестредь.

Козать, вм. козань — бабка.

Галицы, вм. голицы — рукавицы.

Коледуха, вм. голедуха — гололедь.

Кудизиться, вм. кудеситься — наряжаться.

Кузикъ, вм. гудзикъ — пуговка.

Кухоль, вм. кухоль — кувшинъ.

Атожко, вм. атожно — а какже.

Дрянка, вм. одрянка, одрець — сноповозка.

Ерпесить, вм. ербезить — егозить.

Жичика, вм. жичина — жидкій пруть.

Воробче, вм. воробы — воробье.

Покаче, вм. поначе — получше, и т. д.

Повелительное *испей*, переименованное въ *изопей*, выставлено какъ особое слово; выраженіе: *толщиною въ завить руки*, подало поводъ къ тому, что *взавить* поставлено особою речью, на свое мѣсто, и переведено: *толщиною*, просто, даже не

толщиною въ руку. Тамъ же найдете: *супретка, астраганы, тамалка* — и сотни другихъ словъ, лишенныхъ всякаго смысла и связи съ языкомъ; какъ догадаться, что это *супрядки* — посидѣлки, отъ глагола *прясть*; *остроганы* — остроганный волною песокъ; *отымалка* — тряпица, ветошка, для съема съ пыли щанаго горшка и проч. Все это, кажется, очень просто; но чего стоило добратся тутъ толку и доискаться самого источника безсмыслицы?

Какой видъ или образъ придать словарю, какъ его расположить? — Какъ можно сподручнѣе. Именной и голый списокъ всѣхъ словъ, по азбучному порядку, крайне растянуть и утомителенъ, требуетъ многихъ повтореній, при толкованіи самыхъ близкихъ, однородныхъ словъ, и разноситъ ихъ далеко врознь. Расположеніе по корнямъ — и опасно и недоступно; тутъ безъ натяжекъ и произвола не обойдешься и отысканіе словъ очень затруднительно.

Я избралъ путь средній: всѣ одногнѣздки поставлены въ кучу и одно

слово легко объясняетъ другое. Одногнѣздками называю я глаголь съ производными: существительными, прилагательными, наречіями, и иногда опять глаголами. Но предложныя слова того же гнѣзда отнесены на свое мѣсто и тамъ нерѣдко образуютъ опять свои кучки.

Ходить, хаживать, — *хождение, ходъ, ходьба, хода, ходебщикъ, ходунъ, ходовикъ*, — *ходкій, ходовой* и проч. стоѹтъ какъ бы въ одной общей статьѣ, въ которой размѣщены по удобству; но *захаживать, заходъ, захожай*, равно *находить, находка, находчивый* и проч. поставлены особыми кучками, на свое мѣсто. Впрочемъ, при каждомъ простомъ глаголѣ, приводятся примѣры всѣхъ, образуемыхъ изъ него, предложныхъ глаголовъ. Такой порядокъ проведенъ у меня не строго, въ немъ нѣтъ полной научной послѣдовательности, этого я не достигъ; однако же словарь, въ этомъ видѣ, какъ мнѣ кажется, принимаетъ образъ болѣе доступный; его можно даже — если не читать, то перелистывать, и наглядность связи и образованія словъ

много выигрываетъ. Остается за тѣмъ не малое число одиночекъ; взгляды на нихъ также поучителенъ: это либо слова захожія, чужія; либо свои, но переиначенныя издавна такъ, что въ свое мѣсто, по азбукѣ, не подходятъ; либо пни, не давшіе отъ себя живыхъ отростковъ; либо наречія и прилагательныя, употребляемыя съ предлогами, тогда какъ отвѣчающій имъ глаголь предлога этого не принимаетъ.

Словарь составляется для Русскихъ; почему я почти не дѣлаю отмѣтокъ о томъ, на сколько слово въ ходу, не опошлѣло ли оно, въ какомъ словѣ общества живетъ и проч. Въ этомъ, пусть всякъ судить и рядить по своему вкусу.

Грамматическія опредѣленія, на кои я было въ началѣ, по обязанности, покусился, вывели меня вскорѣ изъ всякаго терпѣнія и наконецъ заставили откинуть ихъ почти вовсе. Нѣтъ той безсмыслицы, до которой бы не дошелъ, неволей, слѣдуя нашей несчастной грамматикѣ, особенно когда речь пойдетъ о глаголахъ.

Гл. дѣйствительный, конечно, можно бы отличить отъ прочихъ залоговъ; но, во первыхъ, не понимаю за что такое отличие одному падежу, когда всякому глаголу присвоено ихъ нѣсколько? И безличные глаголы: *меня стошнило, тебя вырвало*, правятъ винит. падежемъ, какъ даже и нѣкоторые общіе глаголы на *ся*: *я тебя не боюсь, онъ тебя хватился, не спохватяся ума дѣлаешь* и проч. Во вторыхъ, надо же было сдѣлать, для нашего языка, и ту еще уступку, что дѣйств. гл. иногда замѣняетъ винит. пад. родительнымъ. Въ третьихъ, кличка эта ни къ чему не ведетъ: сущность дѣла — указать, какими падежами и при какомъ случаѣ глаголь править. Въ четвертыхъ, большая часть среднихъ глаголовъ можетъ быть обращена въ дѣйствительные, лишь бы смыслъ это допускалъ: *ходить по воду* — выхаживать, въ колесѣ; *ходить журавля* — плясать; *глядѣть кого* — высматривать, стеречь; *смотрѣть корректуру; плакать плачъ*; *взялся управлять судномъ*, да и *управиль его на мель; собака стоитъ стойку*, я

сизю вино, и проч. и проч. Что же касается глаголовъ на *ся*, то всѣ они, по началу своему, возвратные; а принимаютъ значеніе: взаимныхъ, среднихъ, общихъ, страдательныхъ и даже дѣйствительныхъ, не только по прямому значенію своему, но и по разуму и обороту речи.

Такимъ образомъ, не только каждый глаголъ на *ся* можетъ быть отнесенъ къ двумъ и тремъ залогамъ, но иной даже ко всѣмъ пяти: *биться лбомъ объ стѣну* — возвратный; *биться на сабляхъ, биться объ закладъ* — взаимный; *биться какъ рыба объ ледъ* — средний; *сердце бьется или живчикъ бьется* — средний или общий; *рыба бьется острогой, посуда бьется* — страдательный. Самый гл. *бить*, по-видимому, безспорно дѣйствительный, легко обратить въ средний: *бить въ ладоши, бить на вѣрняка, онъ бьетъ на авось, бить въ барабанъ, бить по столу кулакомъ*, и проч.

Мудрено ли послѣ этого, если мы находимъ въ Академич. Словарѣ, въ этомъ отношеніи, безграничную путаницу. Тамъ,

напримѣръ, названы дѣйствительными глаголы: *аплодировать* кому, *благовѣститъ* къ обѣднѣ, *бросать* камнемъ въ кого, *намекать* кому о чемъ, *напоминать* о чемъ, *напылить* гдѣ, чѣмъ, *настаивать* на чемъ, *насъдаться* на что; даже: стаканъ *натреснулъ*, ко мнѣ *нашло* много гостей, я *не дослышу*, тугъ на ухо, онъ ему *норовитъ* и проч. — все это гл. дѣйствительные. *Нашумѣть*, *накричать*, *набалагурить*, названы средними, а *насказать*, *наговорить*, *набормотать* — дѣйствительными; *угомониться* — возвратнымъ, а *уходиться* — общимъ; *бѣситься*, *божиться*, *нагнаиваться*, *нашататься* и проч., по словарю, возвратные, — прислушайтесь: *божиться* гл. возвратный; *наѣдаться* — возвратный же, а *напиваться* — общій.... Если это не острога, не намекъ на *общую* слабость — то что это такое? Вѣдь тутъ речь не о погрѣшностяхъ и опечаткахъ. Въ такомъ видѣ тянется словарь от аза до ижицы; я бы могъ привести не десятки, не сотни, а тысячи примѣровъ. Очевидно, это не

опечатки, не описки, даже не ошибки, по незнанію, а путаница, недоумѣніе, какъ быть съ нашей грамматикой, которая сбила съ толку цѣлое ученое братство.

Да, К. С. Аксаковъ правъ: вся грамматика глаголовъ нашихъ прищеплена къ языку насильственно, и потому не стоитъ выѣденнаго яйца. Лѣсина срѣзана, надколота, чужой сучекъ воткнуть, — не заботясь о томъ, однородны ли деревья, — а потому въ него и не пошло ни капли соку: онъ торчитъ торчкомъ и, не смотря на вѣковой уходъ, не приживается.

Есть одинъ общій образъ для Рускаго глагола, не пополняемый ни однимъ, но могущій пополняться по частямъ, всѣми. Всякій глаголь способенъ принять всѣ измѣненія, отвѣчающія разуму, смыслу, значенію его; съумѣйте употребить его, и вы удачнымъ примѣненіемъ, въ новомъ смыслѣ, мгновенно создали цѣлый рядъ новыхъ для него переходовъ. Такъ называемые *залог*и для него дѣло вовсе постороннее, случайное, переходчивое; они могутъ, хотя безо всякой пользы,

примѣняться только къ каждому частному случаю. Окончаніе на *ть* и *чь* общее, коренное, прямое; ему отвѣчаютъ, въ западныхъ языкахъ, глаголы переходящіе или дѣйствительные и непереходящіе или средніе; окончаніе на *ся*, т. е., привѣска сокращеннаго *себя*, образуетъ возвратный или обратный глаголь, не прямой, который можетъ быть отнесенъ, если смыслъ речи позволяетъ, и ко всѣмъ прочимъ залогамъ. За симъ очевидно, что распредѣленіе глаголовъ на *залог*и есть школярство, одно изъ тѣхъ путей, которыя служатъ только для притупленія памяти и понятій учениковъ; на каждый вопросъ о залогѣ глагола, ученикъ долженъ отвѣчать: въ какомъ залогѣ вамъ угодно будетъ его употребить, въ такомъ онъ, на сей разъ, и будетъ числиться.

Вотъ причины, по коимъ я въ словарь уклонился отъ грамматическихъ отмѣтокъ, стараясь объяснять слова примѣрами. Существительныя и прилагательныя сказываются сами — ихъ нечего называть, но при первыхъ показанъ родъ; глаголы, мѣстоименія, подавно отличаются; наречія

и частицы названы. Лишнихъ отмѣтокъ я вообще избѣгаю, какъ и всякаго школярства, и позволяю себѣ иногда промолчать о томъ, что, напр., *антикарша* женскаго рода; мнѣ кажется, это было бы свѣдѣніе, въ родѣ того, которое намъ ежегодно сообщаетъ мѣсяцесловъ: *Папа — Римскокатолическаго Закона*.

Не стану поминать объ опрометчивости словаря, въ которомъ нерѣдко находишь: *волосъ*, см. *власъ*, а *власъ*, см. *волосъ*; *паръ*, см. *испаренія*, *испаренія*, см. *паръ*. Этого надо стараться избѣжать. Самые глаголы, близкіе по значенію, либо по внѣшности своей, перепутаны, какъ, напр., гл. *катать* и *качать*, и путаница эта проведена по всѣмъ предлогамъ. Примѣры бралъ я въ словарь не изъ писателей, какъ это водится и какъ бы, можетъ быть, хотя отчасти слѣдовало; для этого у меня ни какъ бы не достало досуга — развѣ довелось бы прожить два или три вѣка. Примѣры взяты изъ обихода, изъ простой Руской речи, и туда же пойдутъ десятка

два тысячъ пословицъ, поговорокъ и разныхъ народныхъ изреченій.

Не всегда я ставилъ примѣры самаго простаго и всѣмъ извѣстнаго значенія слова: напротивъ, что всякому вѣдомо, о томъ нечего жевать, а надо указать на забытое или затертое невниманіемъ значеніе словъ.

При всѣхъ мѣстныхъ, областныхъ словахъ, я показываю родину ихъ; губернія указана, однако же, только для удобства и краткости: слово не приурочено къ одной только губерніи, коей и самые предѣлы огорожены, не по говору народному, а по уваженію вовсе иныхъ причинъ. Четыре конца свѣта, отъ Москвы: *Новгородъ*, *Рязань*, *Владиміръ*, *Смоленскъ*, представляютъ главныя четыре мѣстности, къ которымъ и причисляются всѣ смежныя съ ними губерніи. *Тамбовъ и Пенза*, *Пермь* и *Вятка* нѣсколько уклоняются по себѣ; *Курскъ* и *Воронежъ* переняли кой-что изъ Малой Руси; во *Псковъ* и даже въ *Калугу* перенесено не мало изъ Бѣлой Руси; *Тверь* пестра, какъ сорока: туда, очевидно,

селился народъ со всѣхъ концовъ; въ немъ находимъ всѣ четыре говора. Мѣстами, находимъ это и въ другихъ губерніяхъ, напр. въ Костромской, гдѣ, среди крутыхъ окальщиковъ, Кологривцы говорятъ свысока; это давнишніе Рязанскіе переселенцы. Такіе случаи надо отличать; это говоръ заносный.

Посильно старался я приводить на память всѣ однословы или тождесловы и сословы, а при объемчивыхъ выраженіяхъ, единящихъ въ себѣ дробныя, подчиненныя имъ понятія, ставитъ отвѣчающія симъ послѣднимъ реченія, съ объясненіями. Напр., «Алуръ — образъ хода или бѣга лошади, побѣжка; она бываетъ: *стуна*, нога—по—ногу; *шагъ*, равняющійся шагу человека; *хода*, шагистый шагъ, съ нарысью зада; *нарысь*, *притруска*, *грунца*, *рысца*, *хлыть* или мелкая рысь; *грунь* или *рысь*, побѣжка съ выкидкою ногъ накрестъ; малая, легкая или мелкая, и большая, частая, крупная; *иноходъ*, когда обѣ ноги одного бока выкидываются разомъ; *переваль* или *втриноги*, *перебой*, шуточно:

цыганская побѣжка, ни рысь, ни иноходь; *тропотъ*, мелкій перебой, сбивчатая нарысь, самая шибкая хода; *наметъ*, *зайчиномъ*, курцгалопъ — обѣ переднія ноги вздымаются почти разомъ; *метъ* или *галопъ*, *полная метъ*, то же, но помашистѣе; *скачъ*, *карьеръ*, то же, но безъ дыбковъ и съ растяжкой; *слань*, *стелька*, *маршъ — маршъ* (воен.) — во весь духъ, во всѣ лопатки.»

Общія опредѣленія словъ и самихъ предметовъ и понятій, дѣло почти неисполнимое и бесполезное. Оно тѣмъ мудренѣе, чѣмъ предметъ проще, обиходнѣе. Я устранился отъ этого и, наприм., не говорю, что крендель — «хлѣбное, въ видѣ согнутой палочки»; что «столь есть широкая доска, утвержденная на ножкахъ, на которую что-нибудь кладутъ или ставятъ (Акад. Слов.)»; я называю только составныя части стола: «онъ состоитъ изъ подстоля и столешницы; подстолье — изъ ножекъ (иногда съ разножками) и обвязки, въ которой нерѣдко ходитъ ящикъ.

Столешница бываетъ глухая, поворотная и съемная; въ столѣ, на стоялахъ (тумбахъ), весь верхъ съемный, обвязка скрѣплена со столешницею; у столовъ объ одной ножкѣ, для устойчивости, бываетъ широкая подножка. Столы, по назначенію своему, бываютъ: простые, разымные и разборные, — раздвижные, раскидные и подъемные; названія имъ: банкетный, обѣденный (вытный), ломберный (игорный), рабочій (письменный), диванный (гостинный) и проч.» Иногда вкратцѣ объясняется выдѣлка вещи, названія, въ мастерствѣ принятыя и проч. Думаю, что это полезнѣе сухихъ и ни кому не нужныхъ опредѣленій. При словѣ *масть*, напримѣръ, я объясняю до пятидесяти названій конскихъ мастей; при словѣ *мачта*, *рей*, *парусъ*, — названія и расположеніе мачтъ, реевъ и парусовъ, конечно весьма коротко, не упуская, однако же, не только флотскихъ, Голандскихъ названій, но и своихъ, образовавшихся на Каспійскомъ и Бѣломъ моряхъ и на большихъ рѣкахъ. Подъ

словомъ *вътеръ*, собраны всѣ Рускія названія вѣтровъ, на Бѣломъ, Черномъ, Каспійскомъ моряхъ, на Байкалѣ, Ильмень-озерѣ и проч. Названій этихъ много, а у Бѣломорцевъ даже полный Рускій компасъ, всѣ 32 вѣтра.

Увеличительныя и уменьшительныя, коими безконечно обилень языкъ нашъ, до того, что они есть не только у прилагательныхъ и наречій, но даже у глаголовъ (не надо *плаканьки*; *спатоньки*, *пипочки* хочешь?), также причастія страд., не ставлю я отдѣльно, безъ особыхъ причинъ, но иногда напоминаю объ нихъ въ примѣрахъ; даже наречія отъ прилагательныхъ лишнимъ считаю объяснять: и безъ нихъ въ словарь тѣсно. Гдѣ наречіе уклоняется, по значенію отъ своего прилагательнаго, тамъ оно объяснено.

Торговья, промышленныя и ремесленныя выраженія, сколько мнѣ удалось собрать ихъ, помѣщены, безъ изъятій; отъ этого, мѣстами, вышла несоразмѣрность: одно мастерство описано

полнѣе, другое только по верхамъ. Чѣмъ выравнивать несообразность эту выключкою избыточнаго, лучше выждемъ, чтобы исправили добавкою опущеннаго.

Самое усиленное стараніе прилагаю я, чтобы достигнуть полноты словаря, относительно выраженій народныхъ и вѣрно объяснить ихъ. Языкъ народа, безспорно, главнѣйшій и неисчерпаемый родникъ, — рудникъ, — сокровищница нашего языка, который, на письмѣ, далеко уклонился отъ того, чѣмъ бы ему слѣдовало быть. Конечно, словарь мой, по числу словъ, главнѣйше пополнился словами предложными, кои считаются какъ бы менѣе важными; но и непредложныхъ добавочныхъ словъ, сравнительно, не мало.

Большая часть полныхъ глаголовъ, особенно предложныхъ, даютъ непосредственно *четыре* существительныхъ: два средняго рода — одно изъ нихъ отъ неопредѣленнаго или длительного вида, другое отъ окончательнаго; а два остальныхъ, одно муж., другое женск. рода, одинаково

относятся къ обоимъ видамъ. Объяснять и толковать ихъ, въ значеніи глагола своего, нечего; я здѣсь, для краткости, предпочель граматическую отмѣтку, потому что она вѣрна, хотя, сколько знаю, доселѣ нигдѣ не была показана, и называю существительныя эти: *длительнымъ, окончательнымъ и общими*. Иногда бываетъ еще *однократное*. Нпримѣръ, отъ *посѣвать, посѣять: посѣваніе* длит., *посѣяніе* оконч., *посѣвъ* и *посѣвка* общ.; отъ *наступать, наступить: наступаніе* длит., *наступленіе* оконч., *наступъ, наступка* общ.

Первыя два существительныя, средняго рода, длиннѣе и нерѣдко диковаты на слухъ — особенно если мы примемся сочинять ихъ сами, какъ недавно сочинили пущенное въ ходъ словечко *исчезновеніе*. Это производство Славянское или языка церковнаго. Два послѣднія существительныя, муж и женск. рода, Рускаго склада; они короче, убористѣе, легче на языкѣ, удобнѣе примѣняются, по болѣе общему значенію своему, да и сверхъ того, выражаютъ не одно только дѣйствіе

по глаголу, но вызываютъ также понятіе о качествахъ этого дѣйствія — *отдѣлка не чиста, набивка тюфяка не хороша*, т. е., работа, — а сверхъ того означаютъ и самый предметъ.

При всемъ томъ, мы ихъ не любимъ, не знаю за что, а предпочитаемъ первыя, какъ бы длинны и неуклюжи онѣ не были; составители словарей также большую часть этихъ словъ упустили изъ виду. Но въ этихъ короткихъ словахъ заключена вся жизнь и сила глагола; изъ нихъ легко образовать и новыя выраженія, гдѣ это нужно, придавая только приличное окончаніе. Я ставлю ихъ при глаголахъ всюду и стараюсь, приводимыми примѣрами, обращать на нихъ вниманіе читателей.

При самыхъ простыхъ, обиходныхъ глаголахъ, въ словаряхъ нашихъ не достаетъ половины производныхъ.

При гл. *давать* у меня прибавлено, противу другихъ словарей, 11 словъ: *дажба* (даванье), *дачница*, *давица*, *даватель*, — *ница*, *датчикъ*, — *чица*, *даятельный*,

дательный, дательствовать, давасы
(могарычи).

При гл. *давить* — 14 словъ; при гл. *досиживать* — 12; при гл. *жалть* — 19; при гл. *дарить* — 20; при гл. *жать* — 14; *жевать* — 17; *жечь* — 10; *гнести* — 13; при сущ. *голосъ* — 11 словъ; при *глина* — 12; при *годъ* — 17; и т. д. Я не выбираю на выборъ, а беру примѣры сподрядъ.

Вотъ обрачки народныхъ словъ, коихъ нѣтъ ни въ одномъ изъ словарей нашихъ, а два или три изъ нихъ въ областномъ словарѣ объяснены однобоко и невѣрно.

Бѣльня — обширная, вовсе чистая прогалина, перелѣсье, окруженное лѣсомъ: *чаяли, изъ лѣсу вышли — анъ на бѣльня выбѣжали*. *Просѣка*, слово извѣстное — прорубленная чрезъ лѣсъ дорога; а *просадъ* — дорога, усаженная по сторонамъ деревьями, алея. *Поломъ* — крутой поворотъ дороги; *свиртокъ* — косою, уклонный. *Увнй* — весь просторъ, захватываемый тѣнью лѣса, или одинокаго дерева, отъ восхода и до заката солнца: *увнй* образуетъ двурогую кривую или *уши*,

это утренній и вечерній увѣй; они сливаются къ срединѣ съ полуденнымъ, самымъ короткимъ. Подъ *увнемъ* хлѣбъ плохо родится.

Слѣтье — все съѣдомое, что Богъ далъ въ лѣто, кромѣ зерноваго хлѣба: овощъ, ботва, картофель, рѣпа, плоды и проч. *Нынѣ слѣтья Богъ далъ, въ подспорье хлѣбу.* *Сыть* — зерновой запасъ: хлѣбъ, сѣмя, въ продажу или въ погрузку гужомъ, либо водою.

Нагуливать скотъ — откармливать паствой, утучнять на подножномъ корму; *нагуливать тѣло, сало*, о скотѣ: добрѣть, тучнѣть на паствѣ. «Много ли нагулу?» спрашиваютъ баранщика, и онъ довольно вѣрно скажетъ: «по два, по три фунта на барана». У хорошаго *нагульщика*, умѣющаго *разводить* скотъ, чтобы онъ не толпился и не затапывалъ корму, онъ, прогономъ, *нагуливаетъ*, а у плохаго — *сгуливаетъ* тѣло. *Пустожира* — человекъ, который дуритъ отъ избытка и бесполезенъ обществу. *Приемница* — названіе болѣе

приличное, чѣмъ бабка, повитуха, акушерка.

Притомный — кто былъ при чемъ, очной свидѣтель; *бытчикъ* — кто на лицо, присуць, вмѣсто сочиненаго нами: присутствующій, *небытчикъ* — котораго нѣтъ; *нѣтчикъ* — кто обязанъ быть, но не явился; *огурщикъ*, *отлыня* — уклоняющійся умышленно отъ дѣла. *Строжить* кому — быть строгимъ, взыскательнымъ; *строжиться* — оберегаться, чтобы не захватили врасплохъ.

Грозвище — поприще грозы, полоса, по которой она прошла; *грозобоище* — поприще опустошенія грозою. *Селище* — остатки снесеннаго селенія, какъ *городище* — развалины города. *Старица* или *рѣчище* (рѣчища, большая рѣка) — покинутое, старое русло рѣки; по *старицамъ* остаются *ерики*, глухія, заливныя *озира*.

Повѣтерье, слово извѣстное — попутный вѣтеръ; *лобачь* — противный; *покачень* — боковой; *верховой* и *низовой*, *горычь* и *моряна*, *сгонъ* или *выгонъ* и

наг онъ — вѣтеръ отъ устья рѣки на море, и изъ моря въ рѣку. *Сутолока* — мелкое и частое волненіе, толкунъ, толчея, либо на мели, либо при встрѣчномъ, теченію, вѣтрѣ; *суториться* — суетливо и бестолково толкаться на одномъ мѣстѣ. *Свирестѣть* — свистать, но не голосомъ: *вѣтеръ свиреститъ въ лѣсу, коршунъ свиреститъ крыльями; свирестъ крыльевъ. Пригрѣвъ* — солнепекъ, первыя проталины; *перемочки* — небольшіе, частые дожди; *стѣпной* — Іюльскіе сплошные дожди, во время покоса.

Уповодъ. «Рябки да рыбки — потерять уповодки»: забава охотой и рыболовствомъ убиваетъ время. *Уповодъ* — срокъ или продолжительность рабочаго времени отъ *выти* до *выти*, отъ ѣды до ѣды. Во днѣ, смотря по числу вытей, коихъ лѣтомъ бываетъ одною болѣе, чѣмъ зимою, три или четыре уповода, каждый часа въ четыре.

Оститъ иглу — точить копчикъ. Для чего мы утратили необходимую разницу въ названіи: *острея* на ребро и *острея* тычкомъ? *Остріе* — общее понятіе; ему

подчинены: *лезвіе*, *лизо*, которое рѣжетъ, и *остъ* или *жало*, которое колетъ. У шила *остъ*, у иглы *жало*.

Однако — довольно. Речь моя протянулась, какъ голодное лѣто. Я началъ было коротко, но — что наболѣло, не стерпѣло; квашня черезъ край ушла. Я хотѣлъ только показать, надъ чѣмъ и какъ я работаю: прибавлю еще, что это не есть трудъ ученый и строго выдержанный; это только сборъ запасовъ изъ живаго языка, не изъ книгъ и безъ ученыхъ ссылокъ; это трудъ не зодчаго, даже не каменщика, а подносчика его; но трудъ цѣлой жизни; а передній заднему мостъ.

Отчетомъ этимъ я вамъ обязанъ, какъ собратамъ и какъ сочленамъ, предложившимъ мнѣ, сверхъ того, средства, для обнародованія моего труда.

Онъ доведенъ почти до половины; но ближе десяти или осьми лѣтъ, если Богъ велитъ прожить столько, окончить его не могу.

В. Даль.